

лирике это, прежде всего, образ Евгения из «Петербургского романа», воскрешающий фигуру пушкинского и мандельштамовского трагического городского беглеца Евгения. Это, без сомнения, и многочисленные сюжетно заявленные фигуры-коды из поэмы-мистерии «Шествие»: князь Мышкин, Крысолов, Дон-Кихот и др. Их появление объясняется взглядом поэта на Петербург как на своеобразные театральные подмостки, в пределах которых разворачиваются жизненные фарсы и трагедии его жителей. Так, в 1967 году Бродский писал о городе: «Порадуемся же, что мы всего / лишь зрители. И что сюжет спектакля / нас увлекает меньше декораций – пожалуй, лучших в мире». Условно-книжные фигуры помогают поэту увидеть и осмыслить современную жизнь города сквозь призму литературно-культурного мифа, который становится средством обнаружения исторической перспективы и определяет для каждой фигуры городского экстерьера ее подлинный масштаб и значимость.

Наконец, четвертая группа петербуржцев у Бродского – это образы так называемой городской «массовки», которые появляются уже в ранних стихах. Функция их, как и функция любых персонажей второго плана, – прежде всего создание уличной «огласовки», узнаваемого городского «эха» Петербурга. По-разному взаимодействуя с образами первых трех групп, они то поддерживают, вторят теме ведущего персонажа-петербуржца, то создают этому образу контрастную, драматическую подсветку, и поэтому их основная роль заключается в создании глубинных эмоционально-смысловых лейтмотивов единого образа Города.

Обозначенные нами выше лики Петербурга в поэзии Бродского и варианты образов петербуржцев в его лирике мы рассматриваем лишь как самые общие подступы к очень обширной теме – теме Петербурга в творчестве Бродского, которая, без сомнения, потребует в дальнейшем глубинной – детальной и концептуальной – разработки.

Примечания

¹ БСЭ. 1954. Т.26. С.69.

² См. статью: Лотман Ю.М., Успенский Б.А. Отзвуки концепции «Москва – третий Рим» в идеологии Петра Первого // Лотман Ю.М. Избранные статьи в 3 т. Т.3. М., 1997.

© Е.В. Моисеева
Екатеринбург

«ОБРАЗЫ О МЫСЛИ» И ОБРАЗ МЫСЛЕЙ СИГИЗМУНДА КРЖИЖАНОВСКОГО

В заглавие данной работы включена цитата из рассказа «Разговор двух разговоров» (1931) С. Кржижановского, остролова и парадоксалиста, писателя, чьи «образы о мысли» и сам образ мыслей пока не стали объектом пристального изучения литературоведов.

В одной из книг И. Ильин писал: «Художник идет от своего предмета к образу и слову, от внутреннего к внешнему, из глубины на поверхность; но так, что предмет вливается в образы и насыщает собою слова; и так, что внутреннее вступает во внешнее и глубина излучается на поверхность»¹. В своей статье мы попытаемся проделать обратный путь: рассматривая «образы о мысли», уловить образ мыслей автора, то есть сквозь «ткань слов», «эстетическую материю» (И. Ильин) прозы С. Кржижановского приблизиться к важным мировоззренческим установкам писателя.

Читая рассказы и повести С. Кржижановского, нельзя не обратить внимания на многократное, настойчивое повторение образов «мысли», «мышления», которые можно назвать сквозными, лейтмотивными. Мы считаем, что уже само наличие именно этих образов, их уникальное смысловое наполнение и своеобразие функционирования в текстах является характернейшей приметой, отличительным знаком прозы С. Кржижановского, позволяющим «идентифицировать» ее и одновременно прояснить наиболее существенные закономерности устройства поэтического мира данного художника.

Поясним, что под выражением «образы о мысли», заимствованным нами у самого писателя, мы будем понимать образы, связанные с изображением интеллектуальной деятельности человека. Прежде чем приступить к характеристике данных образов, нельзя не упомянуть о том, с чем связано их столь осязаемое присутствие в художественном мире С. Кржижановского.

В творческом сознании писателя было глубоко укоренено рационально-логическое, или, по его собственному выражению, «кантовское» начало.

Предпочтя в юности «Канту – Шекспира», занятиям философией – художественное творчество, тем не менее себя самого С. Кржижановский всегда оценивал не только как писателя, но и как философа, как мыслителя: «Я не пишу, я думаю, и изредка мысль, утомленная летом, спускается на строку, как птица на ветку, чтобы отдохнуть»; «Когда-нибудь меня, как пенсне, сунут в футляр. Пусть. Я, собственно, никогда не нуждался в близорукости. Скорее близорукость нуждается в философах» («Записные тетради»)².

Мы считаем, что С. Кржижановский, в силу особенностей своей натуры и в соответствии с природным складом своего мышления, был склонен осваивать мир преимущественно сквозь призму абстрактных понятий, логических построений и философских категорий самого общего характера. Это подтверждают и свидетельства мемуаристов.

Так, по воспоминаниям А. Бовшек, С. Кржижановский был чрезвычайно склонен к «умозрительному пониманию мира»³, особенно в юности, и, выбрав художественное творчество, пытался сознательно преодолеть отвлеченность восприятия. Другие мемуаристы, в частности, Н. Сем-

пер (Соколова), характеризуя личность писателя, отмечают свойственные Кржижановскому аккуратность, педантичность, стремление к рациональной упорядоченности в устройении быта, личных отношений как доминирующие черты его натуры, чуждой всякой стихийности, неорганизованности.⁴ Любимые занятия, увлечения С. Кржижановского представляли собой разновидность все тех же интеллектуальных «штудий»: излюбленный вид отдыха – ночная игра в шахматы с самим собой.

Созерцание, логизирование, «фигурное катание на коньках парадоксов» (А. Арго) были естественными для С. Кржижановского, входили в его ежедневный мыслительный обычай. Собственную «привычку мыслить» он переадресовывал и многим своим героям, о чем свидетельствует, например, почти дословное совпадение реплики персонажа рассказа «Чужая тема» с иронической жалобой из «Записных тетрадей»: «...и мирозерцнуть не дадут»⁵.

Изобранный интеллектуализм прозы С. Кржижановского неоднократно отмечался исследователями как закономерное следствие его энциклопедической образованности. Однако дело, на наш взгляд, не только в том, насколько полно отразился в произведениях писателя обширный запас его знаний. Своеобразие созданного Кржижановским поэтического мира связано, прежде всего, с уникальностью избранного им художественного предмета – Мысли, с эстетизацией, поэтизацией им такой специфической области человеческого бытия, как область мышления. Так, на это указывает А. Бовшек, называющая С. Кржижановского «рыцарем мысли» и считающая, что большинство его рассказов представляют собой «персонифицированные процессы мышления, осуществляемые действующими персонажами»⁶.

Действительно, писателя чрезвычайно интересовала работа человеческого сознания и, в частности, феномен мышления, то есть процесс возникновения и развития мысли, воспринимаемый им как проявление высшего начала в человеке. Писатель с трепетом и восхищением относился к Мысли, и потому в его произведениях все, касающееся интеллектуальной сферы, описывается бережно, нежно, любовно.

С образами «мысли», представленными в художественном мире весьма многообразно, связан у художника целый комплекс философских воззрений, содержащий противоречивые импульсы и обнаруживающий самые парадоксальные свойства, но мы здесь остановим внимание только на одной стороне концепции – на обрисовке создающей, продуцирующей силы мысли.

Уникальная особенность художественного мира С. Кржижановского – мира, придуманного рационалистом, – состоит в том, что сама мысль явилась в нем **изображенной**. Писатель, в силу особенностей своего таланта, был склонен переводить абстрактные понятия на язык художественных образов и сам писал об этом своем умении как об «искусстве видеть понятия» («Записные тетради»).

Своеобразным «языком» для изображения мыслительных процессов часто становятся у С. Кржижановского, наряду с иными, и «флористические» образы – образы, связанные с растительным миром. Рассмотрим, как идеальная сфера «чистого духа», куда С. Кржижановский ведет своего читателя, удивительным образом оказывается зримо представленной в метафорах земной природы.

В художественном мире С. Кржижановского мысль явлена как живое, одушевленное существо. «Обиталище» мысли (голова, мозг) есть особое пространство, координаты которого зримо предстают перед нами опять-таки благодаря использованию писателем образов, связанных с растительным миром.

Внутриголовное пространство, где происходят процессы мышления, называется С. Кржижановским «внутричерепным садом» («Разговор двух разговоров») или же «мыслящим лесом», «мозговой чашей». Эти употребляемые автором сравнения очень значимы, поскольку уже сами по себе активизируют в сознании читателя совершенно определенные, устойчивые характеристики обозначаемых ими пространств. Во-первых, «лес», «сад» – это участки земли, где происходит естественное возникновение и развитие живых организмов, в частности, растений; во-вторых, «лес» ассоциируется со стихийным ростом, происходящим без участия разумной человеческой силы, «сад» же, наоборот, – пространство «окультуренное», организованное, упорядоченное, нуждающееся в уходе и заботе садовода.

С. Кржижановский любит, щеголяя своим знанием анатомии и физиологии, описывать устройство и работу человеческого мозга «изнутри». Например, в фантастической повести «Странствующее «Странно»» (1924) герой, выпив волшебную тинктуру и уменьшившись в размерах, проникает в мозг своего соперника, внутрь его мышления с разрушительной целью: спутать мысли врага. С. Кржижановскому в его излюбленной манере удастся буквально реализовать метафору «спутать мысли», уподобив мышление противника героя «мыслящему лесу», «мозговой чаше»: герой разбойничает в чужом мозгу, разрывая, как ветви и стебли, отростки нейронов или, наоборот, связывая отдергивающиеся друг от друга нервные волокна двойным морским узлом.

Возникает картина почти сюрреалистическая. Внутри мышления противника герой действительно чувствует себя как в живом лесу, но вместо деревьев и трав там «растут», столь же свободно и естественно, нервные клетки (а вместе с ними – и мысли). «Мыслящий лес» полон жизни – герой наблюдает непрерывное «шевеление», «ползы», «дрожания», «вибрации» клеток: «дрожат и сокращаются» ассоциативные нити, «то вытягивающиеся, то длиннющие щупальца нервных клеток» сцепляют и расцепляют «длинные вибрирующие конечности».

Жизнь мозга-«леса», описанная как постоянное, не прекращающееся ни на миг, ежесекундно порождающее «мысли» движение, источником

которого являются заложенные самой природой внутренние силы роста, означает для С. Кржижановского естественность и неуничтожимость мышления, являющегося прерогативой человека среди всех живых существ. Таящаяся в клетках мозга сила роста мысли очень велика, поэтому в попытке «спутать мысли» врага герой терпит неудачу: «пока я отдыхал, живой лес уже успел нарастить новые нити и, спутав вокруг меня тысячи и тысячи клеток, продолжал свой сцеп и расцеп ветвей, полз и дрожь тонких и склизких бело-серых сцеплений». Таким образом, мы видим, что мысль влечет С. Кржижановского, по его же собственным словам, «как все живое», как одна из модификаций жизни.

Уподобляя «мыслительное пространство» лесу или саду, С. Кржижановский тем самым дает важные образные характеристики процессов мышления. Так, в соответствии с логикой писателя, всякое мышление может быть или стихийным, неупорядоченным, бессистемным, неиерархизированным, чуждым всякой логики (в терминологии С. Кржижановского такой тип рефлексии есть просто «думание») или же, наоборот, протекать организованно, с опорой на логику (это и называет писатель собственно «мышлением»).

Таким образом, мы видим, что образы «леса» и «сада» несут важную для С. Кржижановского идею необходимости бережного, любовного «ухода» за своим мышлением, неустанной заботы о нем, «возделывания», «благоустройства» «мыслящего леса» и превращения его во «внутричерепной сад», «освященный» духовным трудом человека.

Образ «леса», как это почти всегда бывает у Кржижановского, выступает в нескольких значениях и характеризует не только состояние сознания, как было показано выше, но и состояние самого бытия – алогичного, «непрозрачного», темного, хаотичного. Наиболее явно связан с подобными характеристиками бытия мотив «блуждания по лесу», усиленный в «Странствующем «Странно»» содержащейся в тексте ссылкой на «Божественную комедию»: «Как Данте, заблудившийся в лесной чаще, я временами начинал думать, что близок даже не к середине, а к концу моего жизненного пути». То же уподобление бытия непроходимому лесу скрытно присутствует в одном из афоризмов С. Кржижановского: «Мое сознание – просека сквозь бытие» («Записные тетради»)⁷. Это высказывание, в свою очередь, подводит нас к осознанию важнейших основ мировоззрения писателя. Предназначение личности осознается С. Кржижановским как высокое и благородное: личности «дано вправить мир в мысль»⁸ («Разговор двух разговоров»), то есть «освятить», «одухотворить» несовершенное земное бытие через разум.

Движение, «полз» мыслей, растущую силу мышления символизируют у С. Кржижановского в разных произведениях сходные «ботанические» образы – плющ (например, в «Странствующем «Странно»») и «сумасшедшие бобы» (повесть «Возвращение Мюнхгаузена», 1927–1928). В этих повестях растительная метафорика функционирует более сложным обра-

зом и в качестве характеристики процессов мышления выступает лишь опосредованно, но, на наш взгляд, ее значение вполне выявляется в сравнении со сходными контекстами других произведений.

В «Странствующем «Странно»» «жизненная сила, скрытая в спиралях плюща», поднимает героя к окну возлюбленной, за которым его ждут, наряду со многими опасностями, и новые важные жизненные открытия. Можно предположить, что «флористические» образы подобного типа у С. Кржижановского сопровождают определенный тип героя: путешественника, странника, искателя приключений и одновременно – истины.

Интересно, что автор использует для образной передачи восходящего, поступательного движения мысли, особенно мысли «творческой», именно вьющиеся растения (плющ, бобы), подчеркивая тем самым естественность мышления, его глубокую природную «укорененность» в бытии человека, тем самым делая фактически синонимичными понятия «жить» и «мыслить». Так, подспудно, путем организации самой образной системы произведения, художник демонстрирует свою твердую приверженность картезианской формуле «*cogito, ergo sum*».

Так, собственноручно посаженные бароном Мюнхгаузеном волшебные турецкие бобы, с чудовищной скоростью кружащие «своими спиралями по стене вверх и вверх» и к вечеру уже готовые дотянуться до луны, в контексте повести оказываются связанными со свойственными барону порывами безудержной фантазии, которые свидетельствует о широчайшей степени свободы его мышления, творческого по своему характеру.

В художественном мире С. Кржижановского мысль часто напрямую сравнивается с растением. Так, в «Записных тетрадах» писателя читаем: «Мысли по мере роста надо пересаживать во все более просторные вазоны, то есть, виноват, головы»⁹.

Подобные сравнения активизируют в воображении читателя богатый ассоциативный комплекс, связанный с биологической жизнью растения, но прочитывающийся уже как образный предикат «мысли» и «мышления». Среди смысловых составляющих этого образного комплекса укажем важнейшие для автора значения. К ним относятся: «свобода и естественность роста за счет природных сил»; «разрастание, ветвление, цветение, плодоношение»; «движение, направленное вперед и вверх»; «хрупкость, беззащитность перед различными лицом стихий»; «необходимость ухода и заботы». Отсюда и специфическое словоупотребление в соответствующих контекстах: мысль «стеблится вверх», «цветет», «ветвится», образуя «длинные цепи умозаключений»; «многоветвие мыслей»; «можно – растение ли, мысль ли, – все равно – пригнуть колышками или авторитетами и заставить стлаться по противоестественной для них горизонтали»; «любую мысль можно обобществить, рассеменить по миллионам голов», «скосить», как траву; «внутричерепные сады» могут «заглохнуть и зарастить сорняком».

Уподобление человеческой мысли растению связано в художественном мире писателя с новой поэтической «огласовкой» им Паскалевой метафоры о человеке как «мыслящем тростнике». Подобный смысл несут, в частности, образы одуванчика и горечавки.

Герой рассказа «Случаи» (1934), врач по профессии, вспоминает, что у него был пациент, «который вообразил, что голова его одуванчик. И стал жить на одуванчикову стать. Чуть ветер – все форточки на зажим. Вдруг воздухом развевает голову. И, в сущности, у больного была не слишком большая мысль: все наши головы – больные и здоровые – одуванчиковой консистенции. Ударит ветром непредвиденности – и вразлет»¹⁰. Как видим, здесь один из ключевых мотивов прозы С. Кржижановского – мотив сумасшествия – вводится с опорой на «флористическую» образность. В рассказ «Разговор двух разговоров» включен «ботанический» сюжет о луговой травке горечавке, которая «имеет смелость цвести как раз в сенокосную пору, так что все ее попытки пропылиться летучей пылью в будущее попадают под лезвия кос».¹¹

В данных контекстах сравнение мышления с одуванчиком, мысли – с травинкой, былинкой, подобной горечавке, создает впечатление хрупкости, неустойчивости сознания, часто оказывающегося беззащитным под порывами «ветров непредвиденности», которыми была так богата современная С. Кржижановскому эпоха – «эпоха мыслекоса», говоря его же словами.

Художник дает свой ответ на вопрос о том, как же сохранить в такое неспокойное, переломное время ясность сознания, не сойти с ума. По его мнению, один из возможных рецептов спасения – это выработка индивидом собственного «миросозерцания», независимых взглядов и убеждений, обеспечивающих внутреннюю свободу, а также укрепление сознания «изнутри», его тренировка, «закалка» путем логических упражнений. Таким образом, «территория сознания», огражденная «холодом логики» от посторонних влияний, всегда, при любом стечении внешних обстоятельств, является законной территорией свободы личности, где последняя может, хотя бы даже только мысленно, «опрокинуть» не устраивающее ее враждебное бытие, как это делает, например, герой рассказа «Швы». Эту мысль выражает С. Кржижановский в одном из своих афоризмов: «Бытие пусть себе определяет сознание, но сознание не согласно».¹²

Таким образом, мы видим, что использование С. Кржижановским зримых, чувственно воспринимаемых образов земной природы при описании излюбленной им интеллектуальной сферы помогает сделать эту сложную область человеческого бытия более простой и доступной для читателя. В найденном художником специфическом языке, дающем ключ к важнейшим мировоззренческим установкам автора, на наш взгляд, ярко проявляется своеобразие творческой манеры художника, неповторимость созданного им поэтического мира.

Примечания

¹ Ильин И. О тьме и просветлении. Книга художественной критики: Бунин. Ремизов. Шмелев. М.: Скифы, 1991. С.8.

² Кржижановский С. «Страны, которых нет». Статьи о литературе и театре. Записные тетради. М., 1994. С.105. Далее текст «Записных тетрадей» цитируется по этому изданию с указанием страниц.

³ См.: Бовшек А. Глазами друга. Материалы к биографии Сигизмунда Доминиковича Кржижановского // Кржижановский С. Возвращение Мюнхгаузена: Повести; Новеллы; Воспоминания о Кржижановском. Л., 1990. С. 479–480.

⁴ См.: Семпер (Соколова) Н. Портреты и пейзажи. Частные воспоминания о 20 веке // Дружба народов. 1997. № 3. С.86–93.

⁵ Кржижановский С. «Записные тетради». С.127, 129

⁶ Бовшек А. Глазами друга (Материалы к биографии Сигизмунда Доминиковича Кржижановского) // Кржижановский С. Возвращение Мюнхгаузена: Повести; Новеллы; Воспоминания о Кржижановском. Л., 1990. С.515.

⁷ Кржижановский С. «Записные тетради». С.111.

⁸ Цит. по: Кржижановский С. Сказки для вундеркиндов: Повести, рассказы. М., 1991. С.82.

⁹ Кржижановский С. «Записные тетради». С.119.

¹⁰ Кржижановский С. Сказки для вундеркиндов: Повести, рассказы. М., 1991. С.223.

¹¹ Кржижановский С. Сказки для вундеркиндов. С.222.

¹² Кржижановский С. «Записные тетради». С.112.

© Л.А. Назарова
Екатеринбург

Ф. ВИЙОН И В. ВЫСОЦКИЙ: ПОЭЗИЯ АУТСАЙДЕРСТВА

Ф. Вийон – французский поэт, личность и поэзия которого на протяжении всех последующих столетий литературного развития неизменно оставались загадкой и для читателей, и для критиков. Пожалуй, в истории литературы трудно найти еще одного художника такого масштаба, о котором нам не было бы известно практически ничего: ни настоящего имени, ни содержания отдельных периодов жизни, ни даже точных дат рождения и смерти. Все это не могло не породить легенды о Вийоне, которую культивировал при жизни сам поэт и которая нашла отражение в многочисленных, зачастую полярных, оценках его творчества последующими эпохами.

Чаще всего его называют «первым певцом Возрождения», поэтом предренессанса. А. Лосев и отчасти О. Мандельштам настаивают на его принадлежности к культуре позднего средневековья. Французские исследователи видят в нем то «сердобольного» поэта-реалиста, то гени-